

Я, твой, как ты говоришь, «безумный» отец, любил и люблю тебя, и мой совет может также показаться тебе безумным, но это не так. Не позволяй вводить себя в заблуждение, отбрось эти тщетные надежды. Удовлетворись той властью, которую ты получил от своих отцов. Не желай господствовать над теми, кто открыл тебе познание Владыки всего. Никто, будучи рабом и став свободным, не пожелает сделаться господином того, кто освободил его от рабства. Обрати внимание, что и ты был рабом демонов и был освобожден от рабства тем, кто милостью Божией управляет Римской империей. Не думай о том, чтобы стать господином тех, кто освободил тебя. Не будь настолько несправедлив. Не оставляй после себя память о том, что однажды был правитель болгар, который пожелал сделать рабами тех, кто освободил болгар от власти демонов и пожелал стать владыкой своих освободителей. Это написал тебе мудрому я, «глупец», как ты считаешь. Если же ты мудрец, то ты не можешь не знать, что «Дай мудрому совет и мудрее будет»¹.

А. В. Бармин

Москва

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ 1112 года

Как хорошо известно, при своем зарождении и первоначальном развитии греко-латинские религиозные споры были посвящены вопросу об исхождении Св. Духа, и хотя патриарх Фотий в 867 г. затронул было отдельные литургические различия двух Церквей, сам же он впоследствии предпочел к ним не возвращаться. Возродившие полемику в середине XI в. византийские авторы и их последователи обращали внимание преимущественно на обрядовые особенности западных христиан, в первую очередь на состав употребляемого для евхаристии хлеба, и лишь вскользь упоминали о «*Filioque*». Как было мной показано ранее, посвященный этому вопросу и приписывавшийся Никите Стифату «Другой свод против латинян» на самом деле вовсе не был написан учеником св. Симеона Нового Божьего слова, являясь разновидностью «Достопамятных слов» деятельного в середине XII в. Николая Мефонского². Проблема исхождения Св. Духа занима-

¹ Притч. 9, 9.

² Бармин А. В. Кто написал «Другой свод против латинян»? // ВВ, 60. 2001. С. 121–124.

ла иерусалимского патриарха Иоанна VIII, по образцу Фотия составившего о ней шестнадцать силлогизмов в своем «Изложенном в Константинополе синодике», причем датировка этого сочинения первым десятилетием XI в. может быть подтверждена его сравнением с другими полемическими произведениями, однако и это творение посвящено преимущественно обрядовым отличиям западной Церкви.

Вновь самым важным для греческих полемистов вопрос о «Filioque» стал при не вполне ясных исторических обстоятельствах в начале XII в. Согласно хронике монтекассинского монастыря, в начале 1112 г. византийский император Алексей I отправил в Рим посольство, целью которого было поблагодарить горожан за оказанную ими ранее поддержку папе Пасхалию II и сообщить о желании принять для себя или своего сына Иоанна венец от римского первосвященника¹. По утверждению хрониста, в ответ римляне в мае того же года направили василевсу почти 600 человек для его сопровождения при пути в Италию (*ad conducendum eum*); со своей стороны, император щедро одарил прибывших к нему вместе с этим посольством представителей кассинского монастыря и сообщил (*mandavit*) аббату, чтобы тот вышел ему навстречу в Диррахий, когда сам он (Алексей I) отправится для венчания в Рим. По мнению П. Классена, предложения василевса были преувеличены в середине XII в. Петром Диаконом при переработке им текста хроники².

Согласно другому источнику сведений об этих переговорах, а именно посланию папы Пасхалия II императору, римский понтифик в ответ на письмо византийского самодержца с пожеланиями единства отправил в Константинополь посольство, предлагая признать первенство папы и вернуть ему отнятые некогда у его предшественников митрополии и провинции³. Исходя из положения не содержащего даты письма в рукописи, В. Гизебрехт отнес его составление к концу 1112 г.; впоследствии В. Грюмель предположил, что оно могло быть помещено за другими документами этого года из-за неведения переписчика о значении послания, а потому счел более подходящим приурочить его к упомянутому в кассинской хронике посольству в Константинополь. С этим же событием французский ученый связал отмеченное в заглавии одного из списков полемического

¹ PL 173, col. 873.

² Об этом см.: *Bayer A. Spaltung der Christenheit. Köln, 2002. S. 190.*

³ PL 162, col. 1007–1017.

сочинения Никиты Сеида (Sin. gr. 521, f. 87 v.) пребывание в греческой столице в 6620 г. от сотворения мира (сентябрь 1111 – август 1112 г. от Р. Х.) неких «латинян» вместе с их епископами, одним из которых был предстоятель миланской Церкви Петр Гроссолан¹. Поскольку же имя последнего отсутствует в послании Пасхалия II среди названных им легатов, которыми были амальфитанский епископ Мавр, некий аббат Н., пресвитер Гуго и субдиакон Б., В. Грюмель предположил, что папа попросту не желал упоминать об обвиненном в симонии архиепископе, чьи права на кафедру оспаривались, до судебного решения его дела. Невнимательно прочитав содержащееся в латинском полемическом трактате Гроссолана сообщение о неких представленных тогда же василевсу семи греческих *писаниях* (*libelli*) по вопросу об исхождении Св. Духа и о подготовленном впоследствии богословском ответе миланскому архиепископу, историк попытался определить имена семи вероятных *участников* состоявшегося тогда спора. Получившийся в итоге список включал в себя имена Евстратия Никейского, Иоанна Фурна, Никиты Сеида, Николая Музалона, Феодора Смирнея, Феодора Продрома и Евфимия Зигавина; из всех их названных по этому поводу В. Грюмелем сочинений лишь два были к тому времени изданы и еще два вышли в свет позже². Указав на принадлежащие Евстратию Никейскому «Изложение» его беседы с Гроссоланом, обращенное к василевсам «Слово о Св. Духе» и два «Опровержительных слова», ученый почему-то оставил без внимания изданные ранее и обращенные просто к «латинянам» два «Слова» об исхождении Св. Духа и два произведения об опресноках того же полемиста. Таким образом, вместо семи греческих трактатов и подготовленного в ответ на писание Гроссолана восьмого сочинения обнаруживаются сразу четырнадцать византийских полемических трудов.

Из получившегося списка, по всей видимости, может быть исключено творение Феодора Продрома, которому, в соответствии с принятыми представлениями, должно было быть в 1112 г. всего около 12 лет³. Среди прочих рассматриваемых сочинений можно выделить две разновидности в зависимости от того, обращены ли они к нескольким людям или же к од-

¹ *Grumel V. Autour du voyage de Pierre Grossolan à Constantinople // Echos d'Orient* 32. 1933. P. 22–33.

² *Ibid.* P. 29–30. Той же точки зрения придерживается и Я. Спитерис (*Spiteris J. La critica bizantina del primato romano nel secolo XII. Roma, 1979. P. 62–63*).

³ *Tusculum Lexikon. München und Zürich, 1982. S. 666.*

ному лицу. К произведениям первого рода относятся насланные «латинянам» два «Слова» Евстратия об исхождении Св. Духа и его же два писания о литургическом хлебе, а также обращенное к римлянам творение Феодора Смирнея; во всех этих пяти памятниках отсутствует какое-либо упоминание о Гроссолане. Напротив, на миланского предстоятеля как на единственного адресата прямо указывается в заглавиях «Опровержительной апологии» Иоанна Фурна, «Импровизированного слова» Никиты Сеида, «Изложения» состоявшейся с западным иерархом беседы Евстратия Никейского и его же «Опровержительного слова». Вероятным представляется создание по тому же поводу обращенного к императору Алексею «Слова» Николая Музалона: этот последний, желая пояснить свою мысль примером из обыденной жизни и при этом как-то обозначить двух разных людей, выбирает для них имена Николай и Петр, т. е. как раз так, как зовут самого автора и миланского архиепископа¹. Точно такого же рода наблюдение может быть сделано и по отношению к пока что не издавшему «Слову о Св. Духе» к василевсам Евстратия Никейского, где также полемистом используется имя «Петр» для обозначения условного лица в одном из примеров. Разделенное на тридцать разного объема глав и содержащее совершенно необычную для всей противолатинской полемики метафизическую и математическую аргументацию, это произведение уже по своему строению и содержанию заметно отличается от двух обращенных просто к «латинянам» «Слов» того же автора о «Filioque». Кроме того, если в первом «Слове» к «латинянам» Евстратий называет «святоотеческим» представление об исхождении Св. Духа от Отца «через Сына» вместе с рождением последнего², то в «слове» к василевсам он уже пишет, что третья Ипостась только даруется людям посредством божественного Логоса, но не существует через Него, поскольку в противном случае она не была бы «просто Богом»³.

При ближайшем рассмотрении «Опровержительного слова» того же полемиста обнаруживается, что оно, как и «Апология» Иоанна Фурна, представляет собой ответ на сохранившуюся по-гречески и изданную Л. Алляцием речь Гроссолана перед императором Алексеем I. Так, никей-

¹ *Τοῦ Μουζαλῶνος καὶ Νικολάου ... περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐκπορεύσεως // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρίδα τῆς θεολογικῆς σχολῆς. Τ. 23. Θεσσαλονίκη, 1978. Σ. 317.*

² *Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη / Ἄ. Δημητριάδης. Λεωφία, 1886. Σ. 57.*

³ *Mosq. gr. 239, f. 58.*

ский митрополит по очереди оспаривает ссылки миланского архиепископа на одинаковую славу Отца и Сына, на наличие у каждой Ипостаси двух «отдельных» (*ἐνική*, «однократных») слав по отношению к двум другим лицам, равенство ипостасей и другие доводы латинского полемиста. Подобным образом Евстратий дает свои ответы на основные положения первой, четвертой, пятой, шестой и седьмой глав, т. е. на большую часть греческой речи западного иерарха. При этом в рукописи ГИМ Син. греч. 240 (конец XIII в.) «Опровержительное слово» включает в себя также текст, выделенный в других, более поздних сборниках в отдельное произведение и являющийся критикой доводов Гроссолана в упомянутом выше сохранившемся на латыни и лишенном начала трактате. Так, никейский митрополит обсуждает мысли миланского предстоятеля о том, в каком смысле каждое из трех лиц является началом, как следует понимать три цитаты из Евангелия от Иоанна, где говорится о единстве Отца и Сына, что означают слова ап. Павла о Христе как «сиянии славы» и «образе» Отца, а также об обитающей в Сыне «полноте божества» и т. д.¹ Среди прочего, византийский полемист уязвляется вскользь брошенным замечанием своего противника о «суетной» греческой философии, согласно которой Св. Дух исходит от одного Сына, и особо останавливается на том обстоятельстве, что всю философию «латиняне» заимствовали у греков². Наконец, в следующем далее в рукописях «Слове» Евстратия, озаглавленном в сборнике ГИМ Син. греч. 240 как «второе», а в сборнике ГИМ Син. греч. 250 как «третье», продолжается и доводится до конца критика все того же латинского трактата Гроссолана, а именно той его части, где западное учение доказывается преимущественно на основе библейских высказываний: упоминания Иисуса, сына Сирахова, о премудрости, излившей из себя реки, слов Иеремии об источнике живых вод, псалмопевца – об источнике жизни, евангелиста Луки – об исходящей от Иисуса целительной силе, евангелиста Иоанна – о даровании Св. Духа ученикам через дуновение³. Это сочинение никейского митрополита лишено малейшего признака вступления, в то время как в непосредственно предшествующем тексте напрочь отсутствует какое-либо окончание; поэтому не приходится сомневаться

¹ Ср.: Tractatus Grossolani de Spiritu Sancti processione // Bibliotheca casinensis seu codicum manuscriptorum qui in tabulario casinensi asservantur. Vol. 4. 1880. P. 351–353, и Mosq. gr. 240, f. 160–164.

² Ср.: Bibliotheca casinensis, p. 354, и Mosq. gr. 240, f. 165v.

³ Ср.: Bibliotheca casinensis, p. 355–357, и Mosq. gr. 240, f. 167 v., 172 v.

в том, что оба эти произведения, являющиеся ответом на одно и то же творение миланского архиепископа, изначально составляли единое целое. Однако нельзя обнаружить никакого логического разделения и между теми двумя частями «Опровержительного слова», которые выступают в качестве отдельных сочинений в рукописях более поздних, чем сборник ГИМ Син. греч. 240, и содержат возражения на два сохранившихся на разных языках полемических текста Гроссолана¹. Между тем греческая речь к императору миланского архиепископа тоже не содержит никакого заключения, а его обращенный к тому же лицу латинский трактат явным образом лишен вступления и начинается с полуфразы². Поэтому кажется разумным предположение, что оба текста на самом деле являются двумя неравными и сохранившимися на разных языках половинками одного творения.

После сделанных наблюдений можно вернуться к мысли В. Грюмеля об участии миланского предстоятеля в посольстве от папы Пасхалия II. Прежде всего, остается непонятным, почему находившегося под подозрением в исключительно тяжелом прегрешении Гроссолана вообще отправили с важным поручением в Константинополь. Кроме того, согласно автору «Миланской истории» Ландульф, его архиепископ покинул свою епархию вовсе не в январе 1112 г., как то опять же по невниманию полагал В. Грюмель и когда на самом деле было лишь объявлено о снятии Гроссолана с престола. В действительности тот уже в апреле 1110 г. по совету других отправился в паломничество в Св. Землю, откуда он вернулся только в августе 1113 г.³ С другой стороны, упомянутое замечание в синайской рукописи (Sin. gr. 521) и близко родственной ей иерусалимской (Hier. met. 404) не лучшим образом подходит к отправленному самим папой посольству и отсутствует в других известных списках творения Никиты Сеида, в том числе – в признанном Ф. Габауэром наиболее близким к подлиннику афинском (Athen. bib. Nat. 483); во всех них либо упоминается один только миланский предстоятель, либо вообще отсутствуют такого рода уточнения⁴. Обращает на себя внимание и расположение в рукописях полемических произведений никейского митрополита Евстратия – те из них, которые не содержат в заголовках никакого упоминания о Гроссолане и обра-

¹ Например, ГИМ Син. греч. 239 (XIV в.).

² PG 127, col. 919; Bibliotheca casinensis. P. 351.

³ MGH SS, 20. P. 26--36.

⁴ *Gahbauer F. Gegen den Primat des Papstes. Studien zu Niketas Seides. München, 1975. S. XVIII, 1.*

щены просто к «латинянам», помещаются отдельной группой впереди написанных в связи с приездом миланского предстоятеля сочинений¹. Свою беседу с этим последним Евстратий сам противопоставляет собственным прежним встречам с теми западными христианами, общение с которыми побудило его к созданию двух произведений об исхождении Св. Духа: «Прежде (*πρόην μὲν*) нами изготовлены были два писания... Поскольку же ныне (*ἐπεὶ δὲ νῦν*) некто другой из этого языка противостал нам..., как говоря в подтверждение своего [воззрения] что-то из сказанного прежде встретившимися нам, так и добавляя нечто другое...»². Наконец, еще один собеседник Гроссолана, монах Иоанн Фурн, в своей «Апологии» призывает того поверить, что бывшая между ними встреча оказалась несравнимо полезнее путешествия в Иерусалим³; подобное заявление имело бы смысл как раз в том случае, если миланский архиепископ оказался в Константинополе на обратном пути из Св. Земли, а не в составе отправленного из Италии посольства. Таким образом, первоначальных собеседников Евстратия Никейского надо считать послами папы Пасхалия II, прибывшими в Константинополь еще до появления там Гроссолана, а сообщение о спутниках последнего в иерусалимской рукописи – либо следствием взаимного наложения двух очень близких по времени и, возможно, отчасти совпавших событий, либо указанием на действительно сопровождавших архиепископа лиц, причем сан некоторых из них был по ошибке завышен.

Ю. Г. Соколов

Волгоград

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Судьба Церкви в период существования Никейской империи представляет собой одну из интереснейших страниц в истории православия. После захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами сложилась уникальная ситуация, не имевшая прецедентов в прошлом Византии. Впервые патриарх и император были вынуждены жить за пределами столицы, что шло вразрез с многовековыми традициями и вынуждало их вырабатывать

¹ См., например, Mosq. gr. 240 (XIII в.) или Mosq. gr. 239 (XIV в.).

² *Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη*, σ. 84–85.

³ *Ibid.*, σ. 47.